

Структурно-функциональное моделирование в исследовании виртуализации жизненных миров современного человека

В.Г. Громакова, С.В. Василенко, Х.М. Дзаурова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация: В статье представлены результаты концептуализации понятий «жизненный мир» и «виртуализация». Обосновывается актуальность исследований виртуализации жизненных миров современного человека. Рассматриваются преимущества метода структурно-функционального моделирования для обобщения представлений о процессе виртуализации.

Ключевые слова: жизненный мир, виртуальность, виртуализация, моделирование.

Тенденции развития современного общества связаны с результатами научно-технической революции, которое отличается стремительным развитием компьютерных информационных технологий и систем телекоммуникаций. Это подтверждается функционированием Интернета, ставшим новым уровнем повседневной реальности и сферой жизнедеятельности огромного числа людей [1].

Вследствие постоянной включенности в виртуальную жизнь у пользователей компьютерных сетей, формируются иные модели поведения, новые интересы, мотивы, цели, установки, а также формы психологической и социальной активности, то есть происходит трансформация жизненного мира и неразрывно связанных с ним форм социальной активности. Ж. Бодрийар считал, что мы являемся наблюдателями постепенного поглощения реальности гиперреальностью [2]. Подтверждает правильность данных размышлений современная реальность: виртуализация захватывает все сферы жизнедеятельности человека: экономику, политику, культуру и искусство.

Необходимость исследования и описание этих явлений, возможностей прогнозирования последствий виртуализации социальной жизни актуализируют тему данного исследования.

Целью теоретического анализа, представленного в данной статье, стала концептуализация ключевых понятий, а также обоснование целесообразности использования метода моделирования в исследовании проблем виртуализации социальной жизни.

Прежде всего, рассмотрим ключевые понятия данной работы.

Большое влияние на понимание «жизненного мира» оказала феноменологическая школа. Основоположником феноменологии считается Э. Гуссерль. Ключевым понятием его философии является интенциональность – свойство сознания, означающее его постоянную направленность на что-либо. Эта направленность связана с предпочтительностью чего-либо в переживаниях и делает любое переживание, любое созерцание субъективным. Объект, на который направлено сознание, может быть, как конкретным (физическим, «вещью»), так и абстрактным (понятийным, «сущностью»). В этом различии объектов Э. Гуссерль идет вслед за И. Кантом, у которого первая категория объектов обозначается как «трансцендентное». Вторая же категория объектов у раннего Канта определяется как «трансцендентальное», но в дальнейшем Кант начинает использовать термин «трансцендентальное» только для того, что дано человеку изначально до его чувственного опыта и никак с этим чувственным опытом не связано [3]. Например, представление о существовании самого себя, формы восприятия (пространство и время) и т.п. В таком позднекантовском понимании использует термин «трансцендентальное» и Гуссерль.

Для внутренних переживаний, каким-то образом связанных с трансцендентным, Гуссерль использует выражения «ноэма» (интенциональный предмет – то, что существует в сознании как объект восприятия) и «ноэзис» (интенциональное переживание – состояние сознания, которое переживается) [4]. При этом Гуссерль подчеркивает

преобладающую важность для человека интенционального над трансцендентным. Жизненный мир по Эдмунду Гуссерлю – это совокупность и трансцендентального (инвариант), и интенционального [5]. Последнее сопряжено с трансцендентным и формируется чувственным опытом, но при этом никогда не является простым отражением внешнего объективного мира [5]. Во-первых, потому что по Э. Гуссерлю само существование объективного мира невозможно доказать [6], а во-вторых, даже если этот мир существует, человеку он дан только в переживаниях сознания [4], поэтому нет никакой возможности ни познать трансцендентное, ни установить степень связи между ним и переживаниями сознания. Соответственно, для повседневного сознания, не занятого анализом трансцендентальных основ, жизненный мир существует как данная в единстве и непрерывном изменении совокупность нозм [7]

Идея принципиального отказа от изучения объективного мира, оставление его «за скобками», по мнению авторов данной статьи, имеет скорее чисто философский смысл и в научной области мало продуктивна. И сам Гуссерль, с одной стороны утверждая, что «жизненный мир... - это целиком и полностью субъективные феномены» [5], с другой стороны говорит о «предданном», «общем для всех жизненном мире» [5]. Однако, на наш взгляд, то, что является «предданным» и «общим для всех», не может быть целиком и полностью субъективным. Отчасти подтверждение этому мы находим у самого Гуссерля, который говорит о том, что «в наивной установке мировой жизни существует как раз только то, что принадлежит миру: конституированные предметные полюса, которые, однако, не были поняты как конституированные». «Наивность» в данном случае, если мы правильно понимаем мыслителя, выражается в том, что люди склонны воспринимать как объективную данность продукты общественного сознания, например, представления об устройстве мира, об исторических событиях, не

задумываясь о том, что это всего лишь отдельные альтернативы из множества возможных, и о том, что ни одна из существующих точек зрения не раскрывает реальные объекты и события во всей полноте, а некоторые представления и вовсе могут не иметь под собой никакой объективной основы. Однако сами эти конструкты (традиции, представления, описания, теории) существуют объективно и составляет внешнюю среду, в которой человек живет и взаимодействует с другими. Не сложно заметить, что эта среда – есть не что иное, как культура [8]. Важнейшим компонентом культуры является язык, а важнейшим средством формирования жизненного мира – коммуникация. Как пишет Гуссерль, «жизненный мир — «мир для всех нас» — это то же самое, что и мир, о котором все могут говорить. Каждая новая апперцепция ... ведет к новой типизации в рамках окружающего мира, а через общение—к новому названию, которое сразу же вливается во всеобщий язык» [5].

Понятие жизненного мира, предложенное Эдмундом Гуссерлем, в дальнейшем толковалось различными учеными по-разному. Если в психологии его рассматривали преимущественно как мир, представленный в сознании отдельного человека – его субъективный мир, то для социологов жизненный мир – это универсальная среда интерсубъективного взаимодействия, задающая систему смыслов и ориентиров [9].

Ю. Хабермас рассматривал жизненный мир как совокупность общепринятых знаний и установок и считал его конструктом, позволяющим интегрировать три основных измерения реальности: объективного (факты), социального (нормы) и субъективного (внутренние переживания) [10]. Таким образом, понятие «жизненный мир» рассматривалось как методологический инструмент, позволяющий ответить на такой важный для социологии вопрос о том, как происходит согласование внутренних установок и целей отдельной личности и интересов общества. [11] Также в поле зрения исследователей

попадали и проблемы дезинтеграции жизненного мира и их последствий. В основе таких исследований лежит теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, предложившего различать «жизненные миры», в которых взаимодействие направлено на достижение понимания, и «системы» - социальные структуры, в которых интеракции осуществляются для достижения инструментальных целей (деньги и власть). Проблему современности ученые видели в поглощении жизненных миров «системами», вследствие чего происходит их фрагментация. Не остались без внимания исследователей и проблемы влияния на жизненные миры науки, техники и технологий, в том числе информационных [12].

Резюмируя вышесказанное, определимся с тем, что под «жизненным миром» в настоящей статье мы будем понимать субъективную социально-технологическую среду, в которой осуществляются социальные интеракции человека. «Жизненный мир» в таком его понимании стал объектом нашего исследования. При этом мы будем рассматривать и инструментальные, и экспрессивные взаимодействия, как две стороны социальной активности.

Во избежание недопонимания представляется необходимым определиться также с областью использования в нашей работе также таких терминов как «реальность», «действительность» и «виртуальная реальность». Первые два термина мы будем использовать как синонимы в тех случаях, когда речь идет об объектах и процессах, существующих и протекающих в физическом пространстве и не предполагающих обязательного подключения к сети Интернет. Термин «виртуальная реальность» нами будет использоваться для обозначения объектов и процессов, локализованных в Интернет-пространстве, доступ к которым возможен исключительно при наличии подключения к нему. Для иллюстрации границы между описываемыми понятиями возьмем такой пример: информация, хранящаяся на жестком диске компьютера, аналогично содержанию бумажной книги, -

это часть реальности, информация на сайте – часть виртуальной реальности. Скачивание информации с интернет-сайта на жесткий диск, пересказ прочитанного на сайте в разговоре (не через Интернет), совершение физических действий или финансовых операций под влиянием увиденной в Интернет-сети рекламы – примеры проникновения виртуального в реальное.

С учетом вышесказанного можно перейти к определению виртуализации. Виртуализация представляет собой сложный процесс, в котором выделяют три аспекта:

- замещение реальности образами и символами в Интернете;
- создание альтернативного социального пространства;
- наложение виртуальной реальности на действительность, встреча виртуального и реального [13].

Как следует из сказанного ранее, виртуализация – это сложный многоаспектный процесс. Для эффективного исследования такого процесса необходимо, с одной стороны, сохранять о нем целостное представление, с другой – представлять его в деталях. Эта задача, на наш взгляд, наиболее оптимально решается через построение структурно-функциональной модели.

Методология функционально-структурного анализа и моделирования SADT (structured analysis and design technique) [14] – одна из наиболее известных и широко используемых реализаций выбранного метода. С использованием данной методологии нами была построена модель изучаемого процесса виртуализации, представленная в другой статье, опубликование которой также планируется в Инженерном вестнике Дона.

Литература

1. Причина Д.Ю. Историко-философские основания виртуалистики // Инженерный вестник Дона, 2010, № 1. С. 10-17. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1e2010/169.

2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. М.: Добросвет, 2000. 387с.
 3. Нарский И. С. Иммануил Кант. М.: Мысль, 1976. 208 с.
 4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998. 315 с.
 5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004. 310 с.
 6. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. М.: ДИК, 2001. 565 с.
 7. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
 8. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
 9. Дивисенко К.С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал, 2014, № 1. С. 6-20.
 10. Habermas J. The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason. Vol. 2. Boston: Beacon Press, 1985. 457 p.
 11. Sandberg J., Dall'Alba G. Returning to practice anew: A life-world perspective // Organizations Studies, 2009, Vol. 30 (12). Pp. 1349–1368.
 12. Morimoto S.A., Friedland L.A. The lifeworld of youth in the information society // Youth&Society, June 2011, Vol. 43, №. 2. Pp. 549–567.
 13. Соколова Д.М. Основные тенденции виртуализации социального в информационную эпоху // Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика, 2013, Т. 13, Вып. 2. С. 61-64.
 14. Панич А.Е., Свечкарев В.П. Факультет высоких технологий: опыт инженерного образования в классическом университете // Инженерный вестник Дона. 2007, № 1. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2007/52.
-

References

1. Prichina D. Ju. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2010, №4. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1e2010/169.
2. Bodrijjar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolical exchange and death]. M.: Dobrosvet, 2000. 387 p.
3. Narskiy I. S. Immanuel Kant. M.: Mysl', 1976. 208 p.
4. Gusserl' Je. Kartezijskie razmyshlenija [Cartesianische meditationen]. SPb.: Nauka, 1998. 315 p.
5. Gusserl' Je. Krizis evropejskikh nauk i transcendental'naja fenomenologija [Crisis of the European sciences and transcendental phenomenology]. SPb.: Vladimir Dal', 2004. 310 p.
6. Gusserl' Je. Logicheskie issledovanija [Logical researches]. T. 2. M.: DIK, 2001. 565 p.
7. Gusserl' Je. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii [The ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy]. T. 1. M.: Akademicheskij Proekt, 2009. 489 p.
8. Pelipenko A. A., Jakovenko I. G. Kul'tura kak sistema [Culture as a system]. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 376 p.
9. Divisenko K.S. Sociologicheskij zhurnal. 2014. № 1. Pp. 6 - 20.
10. Habermas J. The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason. Vol. 2. Boston: Beacon Press, 1985. 457 p.
11. Sandberg J., Dall'Alba G. Organizations Studies, 2009, Vol. 30 (12). Pp. 1349–1368.
12. Morimoto S.A., Friedland L.A. Youth&Society, June 2011, Vol. 43, №. 2. Pp. 549–567.
13. Sokolova D.M. Izvestija Saratovskogo universiteta, 2013, Vol. 13., Issue 2. Pp. 61-64.

14. Panich A.E., Svechkarev V.P. Inženernyj vestnik Dona (Rus), 2007, № 1.
URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2007/52.